

Отнюдь не только в росте слава

90 лет со дня рождения Ростислава Плятта

Слава Богу, искусство Ростислава Яновича многократно зафиксировано в его киноролях (их — сорок!), телепередачах, где он и играет, и выступает "от себя лично". В фондах радио голос артиста живет в бесчисленном множестве записей. Словом, Плятта очень легко и необыкновенно приятно вспоминать.

Его личное обаяние проступало в любой роли. Даже когда Плятт играл напыщенных дураков, интриганов, самодовольных хамов или иностранных шпионов, всем и всегда было видно, что он — замечательный человек, добрый, глубоко порядочный, умный, по-настоящему интеллигентный.

Не будь этого, вряд ли Плятт был бы таким всенародно любимым актером.

А Ростислав Янович был именно острохарактерным актером, лицом! Он очень любил представлять совершенно новым — в каждой новой своей роли, обожал гримироваться, искать яркие краски в

Цезаря в парадоксальной комедии Шоу "Цезарь и Клеопатра", не видел папашу Карамазова, не видел генерала Фитцбаттреса из пьесы Питера Устинова "На полпути к вершине", не видел последних его ролей. Мог видеть! Но не видел. Очень обидно, но уже ничего не поделаешь.

Зато роли виденные помню необыкновенно ясно.

В "Теме с вариациями" Плятт, помимо благородного пожилого юриста из современной истории о любви ("Тема"), играл три классические сцены, аккомпанировавшие сюжету пьесы С.Алешина: фарсовую в новелле из "Декамерона" Дж.Боккаччо, лирическую — из драмы "Перед заходом солнца" Г.Гауптмана и трагическую, предсмертную из роستانовского "Сирано де Бержерака". Таким образом, спектакль становился бенефисом артиста, позволяя ему предстать в самых разных ипостасях.

Для меня таким — самым замечательным — стало исполнение

очки дома, читал мистер Левицкий — Борис Иванов, слушал внимательно-внимательно. Совсем без движений, весь уйдя в слух. И было ясно, что старик Барклей Купер на всю жизнь поражен любовью к своей обожаемой Люси, что полвека спустя в его душе все то же, что и в первый день их совместного бытия.

Артисты Театра Моссовета рассказывали, что перед сценой прощального ужина Фаина Георгиевна Раневская стабильно (почти на каждом спектакле!) решала, что она все провалила, что она — бездарность, вообще не актриса и не имеет больше права выходить на сцену. Поэтому перестановка перед этой картиной шла невыносимо долго (молодому актеру, игравшему официанта, только и нужно было, что разложить на столе салфетки и передвинуть стул), а за кулисами Плятт терпеливо и аргументированно убеждал Раневскую, что она — гениальная актриса, что она ничего не провалила и что надо, наконец, идти на сцену, публика ждет.

Незадолго до смерти Ростислав Янович издал книгу "Без эпилога". Его оптимизм проявился и в этом названии, которое, к великому сожалению, совсем не соответствовало действительности. Книга стала эпилогом жизни. Его воспоминания написаны светло и скромно — прежде всего о тех, с кем свела артиста судьба. О Завадском, Марецкой, Орловой, Мордвинове, Раневской, Абдулове... Конечно, главное место в книге занимает Театр, верным рыцарем которого всю жизнь был Плятт. О своих киноработах Ростислав Янович написал кратко. Может быть, просто времени не хватило? Выделил три встречи с Михаилом Роммом ("Ленин в 1918 году", "Мечта" и "Убийство на улице Данте"), "Семнадцать мгновений весны" и "Послесловие" Марлена Хуциева.

Сравнительно недавно мне пришлось беседовать с Марленом Хуциевым о работе Плятта в его фильме. Я восхищенно говорил о том, что Плятт в "Послесловии" играет очень театрально, с тем романтическим изъятием чувств, которое редко попадает на киноэкраны. Марлен Мартынович с удовольствием меня выслушал и сказал: "А вы знаете, что первоначально Плятт хотел сыграть очень обиденно и сдержанно? Под сурдинку", так сказать... Я его довольно долго убеждал сыграть ярко, и он согласился".

Про что играл Плятт в хуциевском фильме?

Про прощание с жизнью. Про то, как это происходит у богато одаренного, истинно интеллигентного человека. Шумная энергия старика удивляла первоначально не только его обиденного и скучноватого зятя, но и зрителей. Возникающее затем раздражение тоже было вполне понятно: "Ну почему же он так громко? Зачем эта патетика по поводу самых обыденных вещей?"

И постепенно, далеко не сразу, открывалось и зятю, и зрителям то, о чем очень просто написал в своей книге сам Плятт: "Зять — уверенный прагматик, а тесть — восторженный старик, сохранивший до старости живую душу, умение радоваться небу, солнцу, хлебу — всему, что окружает его".

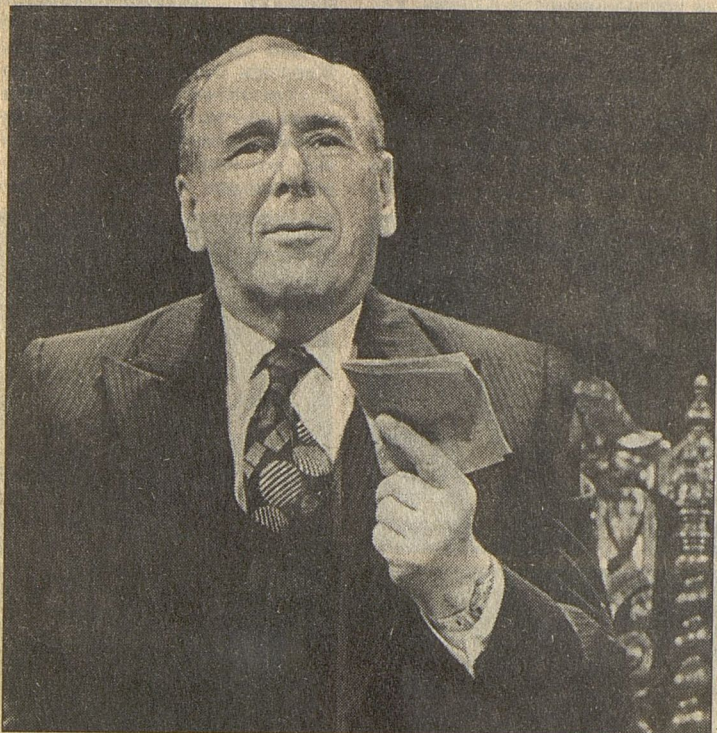
Мои "юбилейные заметки" довольно трудно подытожить.

Артист такого масштаба — тема неисчерпаемая. Я, пожалуй, закончу тем, чем закончил свою книгу мой герой:

"Недавно мне исполнилось 80 лет. В этой цифре есть что-то итоговое, но мне итожить не хочется — я еще не чувствую себя стариком, и мою фантазию будоражат планы на будущее. В момент, когда я пишу эти строки, все близкое мне в интеллектуальной сфере находится в движении и, стало быть, куда-то придет.

Вот куда? Мне и хочется успеть это увидеть".

Павел ЛЮБИМЦЕВ

Р.Плятт в спектакле "Тема с вариациями"

пластике, в манере говорить. Ему это было необходимо даже в тех ролях, которые вполне можно было играть, что называется, со своим лицом.

Однако в острокомическом мастере Ростиславе Плятте важнее всего был его душевный свет. "Солнечный человек", — сказала о нем Татьяна Лиознова, рассказывая, как рождался в "Семнадцати мгновениях" незабываемый пастор Шлаг.

Лично знавшие Ростислава Яновича вспоминают с восторгом, скольким людям он бескорыстно помогал, ходил по инстанциям, уговаривал, объяснял, просил. Только за других, никогда за себя!

В моем детстве Плятт был "голосом из сказки". До сих пор помнясь в его исполнении "Слоненок" Киплинга и итальянская сказка про благородного кабальеро Кортесе, которому нечем заплатить за обед. Плятт так произносил его имя: "Кор-теее-зе!" — что сразу становился зримым этот шикарный прощелыга, у которого "на голове шляпа с пером, на ногах туфли с пряжками, на плечах бархатный камзол, а в кармане камзола — ни одного сольдо".

Я думаю, каждый мой сверстник вспомнит о "радио-Плятте" что-то свое любимое: или "Клуб знаменитых капитанов", или "Кошку, которая гуляла сама по себе", где он и Вера Петровна Марецкая играли все роли — от Дикой коровы до Человека. Или еще: рыкающий громоподобный бас Людодея из "Кота в сапогах" Давида Самойлова с музыкой Бориса Чайковского.

На сцене я видел его всего в двух ролях. Правда, "Тему с вариациями" в постановке Юрского я видел дважды, а "Дальше — тишину", поставленную Анатолием Эфросом, — даже четырежды. Значит, шесть раз. Все равно мало.

Не видел я Плятта в роли Юлия

финала "Сирано". Ростислав Янович читал стихи и музыкально, и глубоко осмысленно. В последнем объяснении с любимой пляттовский герой не "рвал страсти", не нагнетал драматизм. Он наслаждался словами любви, которой не суждено сбыться, у которой нет будущего.

В спектакле "Дальше — тишина" два дивных артиста — Раневская и Плятт — существовали очень поразному.

Раневская играла, что называется, "от себя". Как бы не играя. Одно присутствие ее на сцене доставляло зрителям счастье.

Плятт существовал совсем иначе. Подробно, тщательно, мастерски. Может быть, именно поэтому его игра вспоминается в деталях, а не только в общем счастливом впечатлении.

Ростислав Янович тонко и точно передавал все изгибы судьбы своего Барклея Купера. Например, очень озорно, смешно в сцене прощального ужина стариков он звонил дочери и с комической серьезностью заявлял, чтобы их не ждали к обеду, а затем изысканно вежливо советовал спустить обед... в сортир! Потом торопливо бросал трубку и сотрясался от счастливого беззвучного смеха — так, что колыхалась вся его громадная фигура.

Сцену, где старик Купер болен, артист играл с пронзающим драматизмом. Его герой был сердитый, взвешенный и беспрдельно несчастный человек, резкий и жалкий одновременно. Когда он разгрызал дурака-доктора, прикладывая фонендоскоп не к груди, а к спинке дивана, было и смешно, и горько, потому что с жестокой конкретностью возникали на сцене беспомощность старости, слабость и загнанность болезни. А немного раньше герой Плятта слушал письмо жены, которое ему, забытому

Фото ИТАР — ТАСС